

Проблема взаимодействия объектов культуры: метафизика коммуникации с точки зрения объектно-ориентированной онтологии

The Problem of Interaction of Cultural Objects: Metaphysics of Communication from the Perspective of Object-Oriented Ontology

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-44-50

Получено: 25 октября 2024 г. / Одобрено: 19 ноября 2024 г. / Опубликовано: 26 декабря 2024 г.

М. Г. Чертовских

Преподаватель кафедры философии им. А.Ф. Шишкина, аспирант, МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, e-mail: matt780@mail.ru

M.G. Chertovskikh

Lecturer of the Department of Philosophy, Postgraduate Student, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia, e-mail: matt780@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье производится попытка осмыслить метафизику коммуникации с точки зрения объектно-ориентированной онтологии. Для этого были проанализированы основные положения объектно-ориентированной философии с пристальным вниманием к описанию способов, возможностей и условий взаимодействия объектов. При помощи метода концептуальной инженерии из теоретико-аналитического обзора конструируется образ того, какой должна быть объектно-ориентированная коммуникация. Анализируются ее описательные и предсказательные возможности. Отдельное внимание здесь отводится условиям нарушения коммуникации, которые вскрывают набор связей, присущий её объектам, и делают возможным как описать действительное состояние коммуникативной системы, так и предсказать её дальнейшее поведение. Теоретические положения статьи иллюстрируются примерами из различных сфер коммуникативного оборота объектов культуры: бытового общения, литературы, кризисных коммуникаций. Результаты исследования позволяют составить набор методологических принципов проведения исследований коммуникации в разных культурных универсумах в рамках данной философской оптики.

Ключевые слова: теория коммуникации, объектно-ориентированная онтология, метафизика коммуникации, плоская онтология, объекты культуры.

Abstract

This paper attempts to design the metaphysics of communication from the perspective of object-oriented ontology. For this purpose, the main provisions of object-oriented philosophy have been analysed with close attention to the description of ways, possibilities and conditions of object interaction. Employing the method of conceptual engineering, an image of what object-oriented communication should be is constructed from the theoretical and analytical review. Its descriptive and predictive capabilities are analysed. Special attention is paid to the conditions of communication breakdown, which reveal a set of relations inherent in its objects and make it possible both to describe the actual state of the communicative system and to predict its further behaviour. The theoretical provisions of the article are illustrated by examples from various spheres of communicative turnover of cultural objects: everyday communication, literature, crisis communications. The results of the study allow us to compile a set of methodological principles for conducting studies of communication in different cultural fields within the given approach.

Keywords: communication theory, object-oriented ontology, metaphysics of communication, flat ontology, cultural objects.

Введение

В данной статье предлагается осмыслить условия возможности коммуникативной связанности и структурного взаимодействия объектов культуры в рамках метафизической парадигмы объектно-ориентированной философии Грэма Хармана и его сторонников. Композиционно исследование состоит из введения, в котором представлен ряд определений и пояснений к предмету рассмотрения, обзора основной литературы по теме и её русских переводов, обзора конкретного исследовательского теоретического корпуса текстов и способов работы с ним, суммы результатов аналитического рассмотрения в рамках проведенного исследования, включающего практические методологические рекомендации, а также заключения, в котором предлагаются пути рассмотрения дальнейшей связанной проблематики. Целью исследования

является установление природы коммуникации с точки зрения объектно-ориентированной философии на примере процесса перехода культурных объектов из разряда подручных вещей в разряд наличных вещей согласно фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера.

В дискурсе объектно-ориентированной онтологии (ООО) на сегодняшний день по-прежнему актуальны споры о возможностях некорреляционистских и неантропоцентрических представлений о способах и модусах взаимодействия гетерогенных акторов [17, с. 195–198]. Данная проблематика в том числе затрагивает и фундаментальные вопросы философской коммуникативистики, так как ставит вопрос о конечных основаниях коммуникации как таковой. Лежащая на батарее кошка определенным образом взаимодействует с миром людей, частью которого

она является, и в силу как её собственной зоологической коммуникативности и эволюционной близости к человеку, так и близости к человеческому языку. В большинстве случаев люди способны признать с рядом оговорок в ней субъекта некоторой коммуникации. Когда же речь заходит о чувственных объектах, концептах культуры, абстракциях языка и других душах дискурса, на уровне здравого смысла всё выглядит уже не так однозначно. И это несмотря на их в высшей степени коммуникативную природу и то обстоятельство, что единицы культуры, в которой мы рождаемся, будут оставаться связанными с нами даже когда нас уже не будет в этом мире.

Объектно-ориентированная онтология в своем коммуникативном аспекте предлагает учитывать формы и способы взаимодействия с миром, которые даны тем или иным его представителям. Эти объекты суть чувственные и реальные и обладают соответственной парой реальных и чувственных качеств, определяющих четверичную метафизику объекта в ОOO [15, с. 82–85]. Существует чувственная кошка, восприятие чувственных качеств которой зависит от того, кто на неё смотрит, равно как существует и конкретный чувственный образ «красного цвета китайского дракона», особенности интендирования которого зависят от культурной причастности воспринимающего сознания. При этом и в первом, и во втором случае есть набор реальных, эйдетических черт, которые не могут быть вычленены из объекта, чтобы он при этом не перестал быть самим собой, обернувшись чем-то другим или исчезнув как целостность [18, с. 36]. Если касательно чувственных объектов и качеств отправной точкой служили построения Гуссерля как феноменолога присутствия, то в работе с реальным объектом Грэм Харман предлагает обратиться к философи отсутствия, Мартину Хайдеггеру, который раскрывает зазор между человеком и миром объектов в разделительной паре подручных и наличных вещей [18, с. 44]. Первые представляют собой фон объективных коллективов, связанных в систему, которую мы склонны игнорировать как саму по себе, так и в конкретных проявлениях. Когда же в ситуации происходит сбой или некоторая часть системы попросту заставляет себя отрефлектировать, она частично проступает в опыте, вскрывая и часть себя, и часть системы, так вещи из подручности переходят в наличность [11, с. 66–71].

Объекты своим особым, сообразным с их природой способом присваивают себе мир, делая его общим пространством в «плоском бытии» плоской онтологии [5, с. 287]. Фотография и живописное полотно могут фиксировать до неразличимости схожую картину, но на уровне собственных реальностей делать это разными способами [4, с. 84]. При сжи-

гании хлопка огонь соприкасается лишь с той его частью, которая находится в области химии восплеменяемости материала, а чувствующиеся изменения цвета и запаха важны для существ, наделенных соответствующими органами чувств, но изъяты для огня [18, с. 52]. ОOO предлагает учитывать эти различия для адекватного отображения способов наличия объектов в мире и формулирует для этого методологическую практику онтографии [4, с. 53], которая фиксирует коммуникативно значимый метафизический принцип: в реальности все взаимодействия асимметричны и в пределе невзаимны [14, с. 93].

В плоской онтологии все объекты интендируют друг друга и всё взаимодействие между объектами строится на интенциональности, при этом объектом является любая единичная реальность, остающаяся самой собой, несмотря на все свои изменения и взаимодействия [16, с. 3–4]. Объекты могут состоять из других объектов и выступать составными частями некоторых третьих объектов, но все равно оставаться единичными несводимыми реальностями [9, с. 317]. При взаимодействии различных объектов необходимо возникают корреляции (конституирующие чувственные объекты, каузально замещая реальные), которые делают объект доступным друг для друга, но в то же время существование объектов самих по себе осуществляется без корреляций [7, с. 11].

Объекты культуры предстают для людей как чувственные объекты, скоррелированные как со своими реальными молчаливыми замещенными трансценденциями, так и с множеством других сущностей, на поверхности которых они проступают (подобно тому, как камень на капище перенимает на себя часть его сакральной семиотики, чувственно, для того, кто способен её считать). Вырисовывающаяся коммуникативная схема, своими очертаниями напоминает ту традицию, которую Роберт Т. Крейг в знаковой для коммуникативистики статье «Теория коммуникации как область знания» называет феноменологической ввиду концентрации на опыте инаковости и преодолении субъектно-объектной дилеммы [2, с. 133–134].

Обзор литературы

Обсуждаемая философия впервые оформляется в диссертации Грэма Хармана *Tool-Being. Heidegger and the Metaphysics of Objects* (2002). Первому знакомству с общим философским контекстом появления объектно-ориентированной онтологии может послужить вводная книга Хармана *Speculative Realism: an Introduction* (2018), переведенная в 2020 году на русский язык. Сжатое содержание самой объектно-ориентированной онтологиидается в работе Хармана, вышедшей изначально на французском языке, *L'Objet quadruple* (2010), которую сегодня можно прочитать

в том числе и на русском языке («Четверо-який объект: Метафизика вещей после Хайдеггера»). Его метафизика уточняется в таких работах, как *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things* (2004), *Heidegger Explained: From Phenomenon to Thing* (2007), *Towards Speculative Realism: Essays and Lectures* (2010). На русском языке доступны содержательно схожие тексты: «О замещающей причинности» (2012) и «Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда» (2017). Практика онтографии демонстрируется в таких переведенных на русский язык работах, как *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy* (2012), переведенная на русский язык в 2020, «*Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*», *Immaterialism: Objects and Social Theory* (2016), переведенная на русский язык в 2018 году как «Имматериализм: объекты и социальная теория» и в суммирующем труде *Object-oriented ontology: new «theory of everything»* (2018), опубликованном на русском языке в 2021 году («Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего»). Также эту практику уточняет и расширяет работа Иена Богоста *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing* (2012), переведенная на русский язык в 2019 г. как «Чужая феноменология, или каково быть вещью?». Помимо этого, заметное влияние имели труды Леви Брайанта *The Democracy of Objects* (2011), переведенная на русский язык также в 2019 году и непереведенная работа Тимоти Мортона, уточняющая некоторые ключевые для ООО концепты *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality* (2013).

Методы и материалы

Методологической основой исследования выступает концептуальная инженерия, понимаемая как практика создания, применения (пусть и гипотетического) и оценки концептов в конкретных заданных условиях [1]. Создание концепта объектно-ориентированной теории коммуникации проведено с опорой на рассмотренные в литературном обзоре работы, в особенности на суммирующий труд «Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера» Грэма Хармана [18] и нюансирующие вопросы взаимодействия объектов исследования «Имматериализм: объекты и социальная теория» и «К вопросу о взаимоотношении объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана» Г.Г. Гайко и А.А. Бойко [7; 13]. Дескриптивный и прескриптивный потенциалы ООО как метафизики коммуникации, перформативно выраженной в практике онтографии, в данной статье проанализированы на примерах взаимодействия объектов разных сфер коммуникативного универсума культуры, в частности, обыденного общения, литературного текста, рекламы и связей с

общественностью, материальной семиотики в рамках кризисного регулирования.

Результаты и дискуссия

В рамках объектно-ориентированной онтологии коммуникацию можно осмысливать как процесс направленного конструирования акциденций (чувственных качеств), обрамляющих предмет коммуникации (некоторый чувственный объект, сообщение), чтобы целесообразно полаганиям участников коммуникации поддерживать стабильность присутствия внутри контингентных характеристик актуальной семиосферы следов реальных качеств объекта. Реальный объект из этой схемы изъят, так как есть онтологическая данность невозможности полного контакта ввиду бытийственных зазоров между любыми двумя сущностями. Однако источник и получатель сообщения в случае направленного коммуникативного семиозиса в двусторонней симметричной коммуникации сопоставляются друг к другу и, удерживая во внимании реальную суть сообщения, его невоспроизводимое основание, стараются сообщить его теми способами, которые окажутся взаимодоступными. То же самое должно быть справедливо для асимметричных и односторонних коммуникаций, коль скоро они претендуют на прагматическую эффективность. Однако и само сообщение имеет собственную природу и в полной мере не принадлежит ни интерпретирующему получателю, ни даже источнику, его производящему. В медийном ландшафте, в котором каждое сообщение соседствует с некоторым другим сообщением, иным семиотическим образованием и даже теми условиями, которые создают для него возможность актуализироваться, и задающими синтагматическую и парадигматическую оси всякого содержательного сообщения в этой знаковой системе, любые центрированные модели коммуникации распадаются под давлением обстоятельств, которые обычно сокращаются в описательных схемах коммуникативного процесса.

Однако любые описательные схемы по своей природе являются упрощениями, и было бы несправедливо строить критику вокруг указаний на возможные сбои в тех композициях, которые отражают нормальный ход вещей. По этой причине корректнее будет допустить действительную автономию объектов, входящих в коммуникативное пространство (источника, сообщения и получателя), и выстраивать плоскую онтологию их взаимодействия от возможности (методологически) случайных действий, которые пусть и привязаны к возможностям и скрытым потенциям объектов, но не необходимо ожидаемы, понятны и потенциально воспринимаемы. Коммуникация вероятностей и неожиданностей, в которой никогда

заранее неизвестно, чего ждать от объекта, пусть примерные роли и распределены заранее.

Реальные объекты одновременно даны друг для друга в виде чувственных и взаимно подразумеваются в образе темных силуэтов, одновременно данных и изъятых, как было показано в исследовании Г.Г. Гайко и А.А. Бойко с применением совмещенного подхода, соединяющего в себе деконструкцию Ж. Деррида и эпистемологию А. Камю применительно к объектным взаимодействиям [7, с. 8–11]. Для теории коммуникации это означает возможность непокорности объекта, неожиданных метаморфоз сообщения. Когда связь происходит согласно понятной и ожидаемой схеме, результат может быть спрогнозирован исходя из состава коммуникативной ситуации. Но в случае с «поломкой» приоткрывается та часть системы, которая была методологически сокращена, и результат уже зависит в том числе и от лишь подразумеваемых характеристик сообщения или объектов им обменивающихся. В ситуациях обыденной коммуникации это можно проиллюстрировать шуткой, которую пришлось объяснить, тем самым уничтожив её, разрушив ожидаемый и предпочтительный для шутки фрейм. Либо же в жижековском стиле можно взять стихи любого замечательного поэта и попробовать буквализировать их. Строки Франтишека Грубина «Я тыщу планов отложу / На завтра: ничего не поздно / Мой гроб еще шумит в лесу / Он — дерево. Он нянчит гнезда», может быть, с потерей всякой магии буквально изложено так: «Не стоит париться, чай, завтра не помру». Схожая ситуация встречается и в примерах с угрозами, мольбами, убеждениями, романтическими признаниями, мотивирующими и продающими текстами, да и любыми прочими коммуникативными ситуациями. Грэм Харман называет подобный эффект проблемой парадрафза, который нивелирует глубину, подчеркивая изначальную глупость всякого содержания [12, с. 20–23].

Коммуникация, таким образом, тяготеет к подручности. Она должна функционировать так, чтобы напряжения внутри и вокруг неё не носили характера наличности, вскрывающей систему и распаковывающей черный ящик, который должен оставаться надежно запечатанным, чтобы являлись лишь смыслы входящие в него и проинтерпретированные на выходе, без всего того, что с ними происходит внутри, в процессе. Подручное не обнаруживает себя ни в качестве вещи, ни в качестве средства [8, с. 7]. Поэтому наиболее естественный способ существования коммуникации — фон бытия. В своей проявленности, когда приоткрывается завеса между действительно взаимодействующими объектами и в конфликте становятся видны их границы, коммуникация стано-

вится бесплодной. Но, несмотря на изначальную глупость всякого содержания и указанную бесплодность коммуникации, которая проявилась как целое, именно ее способность определять границы между скрытыми интерьераами взаимодействующих объектов является неустранимым имманентным эйдетическим свойством коммуникации и тем, что, мысля pragmatically и utilitarian, мы можем называть её ценностью. С точки зрения ООО это возможно как раз за счёт аллюзивного непрямого взаимодействия, которое, подразумевая изъятые трансцендентные внутренние содержания реальностей объектов, тем не менее, находит к ним выход, используя онтологически обеспеченные возможности консенсуса, моменты, позволяющие делать мир общим для различных агентов [14, с. 57–61]. Нахождение этих подходов к пониманию и составляет ценностное ядро ООО, выраженное, к примеру, в философии экологии Т. Мортоне, что, кстати, иногда забавным образом проявляется и в коммуникативном аспекте чисто британского культурного фрейма на страницах его работ, например, когда глобальное потепление как гиперобъект, нависая мрачной тенью, нарушает ход *smalltalk*'а о сегодняшней «забавной погодке», делая ситуацию потенциально зловещей [10, с. 129].

Таков дескриптивный аспект проблемы, выводимый из рассмотренной метафизики коммуникаций. На этом этапе мы рассмотрели нулевой уровень коммуникации, то, как объекты представляются друг другу и как этот процесс может быть нарушен. Прескриптивный аспект темы, который может быть сформулирован как возможность предсказывать коммуникативные напряжения и коллапсы на основании присущих качеств и автономий объектов, предполагает уже другой уровень осмыслиения коммуникации, спроектированный «мотивациями» объектов поверх безличного нулевого уровня, его можно с осторожностью назвать «социальным».

Основания для прогнозирования могут быть эксплицированы из методологических рекомендаций работы Хармана «Имматериализм: объекты и социальная теория». Те из них, что имеют прямое отношение к вопросу, суть следующие. Имматериализм плоской онтологии должен четко осознаваться в рамках оценки и осмыслиения коммуникативной структуры, в ней на равных участвуют как содержания и символически-воображаемые конструкции, так и их материальные носители и симбиозы отношений этих элементов [13, с. 134]. Объект должен быть критически оценен не только с точки зрения доступных ему отношений, но и с учетом своих не-отношений [13, с. 134–135]. В рамках оценки коммуникативного ландшафта некоторые элементы, кажущиеся мертвым грузом по той причине, что они

ни с чем не взаимодействуют или имеют неспособность взаимодействия, должны быть, тем не менее, критически учтены не только по той причине, что это состояние может измениться, но и в силу того, что доступные им способы не-коммуникации тоже являются частью ландшафта, который может неожиданным образом измениться в случае их удаления или в случае воспроизведения системы без их учёта. Должное понимание условия не-коммуникации конкретного элемента структуры позволяет лучше предсказывать её поведение. Отсюда и принципиальная необходимость моделирования неудач и учета истории «аварий» [13, с. 135]. Несмотря на деятельную сущность коммуникации, по всей видимости, события в ней редки, большую часть времени находящиеся внутри неё объекты бездействуют. Однако в те моменты, когда случаются так называемые симбиотические отношения, безвозвратно меняющие реальность одной из взаимодействующих сущностей [13, с. 63], мы фиксируем прогностически значимое событие. Например, подобным симбиозом является присваивающая и присовокупляющая к своему внутреннему миру интерпретация одним объектом коммуникации другого. Отсюда нам необходимо искать подобные симбиозы объектов, чтобы понимать их социальную природу [13, с. 136]. ООО делает акцент на силе слабых связей [3], которые определяют жизнь объекта, в отличие от сильных связей, определяющих его рождение и смерть [13, с. 136–143]. Учёт слабых связей позволяет предположить вероятную траекторию существования объекта или коммуникационной системы объектов, потому как они являются её основанием и фоном. Наконец, и здесь снова проявляется поднятая проблема парофраза, содержательный или даже, рискнем предположить, коммерческий упадок коммуникационной модели можно предсказать в рамках оценки тенденции усиления ее слабых связей и симбиозов в тот момент, когда эти связи «буквализируются» настолько, что структура станет подходить к любым другим коммуникационным моделям [13, с. 143–144]. Отсюда постоянная необходимость новаторства, которой отличается всякая успешно возникающая модель выстраивания связей.

Ниже рассмотрим некоторые конкретные примеры, которые содержат демонстрации, способные помочь тем, кто хотел бы попробовать применить описанную метафизику коммуникации в собственных исследованиях.

Объект в литературном универсуме культуры всегда представлен другим подобным объектам, с которыми он ассоциативно связывается в рамках художественного текста. Правила игры закладываются в условной конвенции между имплицитными автором и читателем, однако они должны действовать в ло-

гике текста, причем вне зависимости от того, идёт ли речь о конструировании и исследовании в произведении реалистичного или ирреалистичного дискурса. Иными словами, несмотря на все причуды текста Льюиса Кэрролла, Говарда Лавкрафта, Джеймса Джойса, Юрия Мамлеева или Романа Михайлова, их текстовые миры не разрушаются, события и объекты внутри них, пусть и особенным в каждом конкретном случае образом, связаны и представлены друг другу ничуть не хуже, чем у авторов условно «реалистичной» прозы. Для этого используется целый ряд средств, связанных как с литературной поэтикой, культурными реалиями эпохи, с её недосказанностями и нерефлексируемыми полаганиями, интуициями, связями с неязыковыми объектами, так и с сугубо языковыми грамматическими категориями, но общим местом является то, что используются именно те способы конструирования текстового мира, с которыми автор находит возможность связать свои литературные объекты.

Для исследователя литературы может представлять интерес тот особенный способ данного связывания, который встречается в произведении. Его может проявить картирование некоторых связанных образов в тексте или же сетевой анализ определенных взаимодействий героев и/или иных литературных объектов от сцены к сцене, в котором потенциально способны пропустить некоторые неувязки, способные вскрыть часть авторского замысла. Автор настоящего исследования совместно с коллегами проводил похожее исследование пространственной семиотики звука в рассказе Г.Ф. Лавкрафта «Изгой», предполагавшего картирование сюжетного взаимодействия главного героя с различными источниками звука¹. В результате получилось продемонстрировать на примере различий природы упоминаемых в динамике развития сюжета звуков (напрямую и косвенно упоминаемых), на которых автор не делает особенного акцента в данном тексте, как именно различаются модусы нормального для главного героя и имплицитного читателя. Потусторонний мир, которым тяготится герой рассказа, но который, тем не менее, воспринимается им как родной и привычный, в звуковом плане нестерпимо тих для читателя, в то время как реальность с её шумами и звуками человеческой речи уже противоестественна для Изгоя. Это пусть и малая, но всё же часть содержания произведения, которая становится доступна через деконструкцию связи между особым образом связанными объектами.

¹ Подробнее см.: Чертовских М.Г., Чертовских Д.В. «Нездешний звук»: поэтика звука Г.Ф. Лавкрафта на примере рассказа «Изгой» // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7. № 1. С. 135–148. URL: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-1-25-135-148>

Полем коммуникации, по всей видимости, интуитивно учитывающим многие высказанные положения, являются области государственных коммуникаций, связей с общественностью и маркетинговых коммуникаций. Исследования целевой аудитории и её профилирование, картирование медиаландшафтов, концепции маркетинг-микса, наконец, аналитика информационного потребления, учитываяшая слабые и сильные связи, — всё это учитывает отдельные уникальные способы возможностей взаимодействия объектов коммуникации. При этом *PR* и маркетинг пришли к отчасти похожим полаганиям за счёт генеалогически иных исследовательских доктрин, поэтому видимую схожесть стоит воспринимать как занятный пример конвергенции. Однако, тем не менее, эти сферы имеют привилегированные объекты. Когда речь заходит о мире не-человеческого, внимания к деталям становится тем меньше, чем дальше от человека та или иная сущность.

Например, во время пандемии *COVID-19* был, по всей видимости, хорошо отрефлексирован набор способов взаимодействия человека с медицинской маской. Если практика её ношения на улице вызывала и продолжает вызывать вопросы об эффективности, интерпретируемые нами как учёт тех аспектов взаимодействия симбиоза человека в маске с болезнью, которые способствуют распространению вируса, то символический эффект в мировой практике стал образом эпохи — бесконечные ряды угрюмых людей в масках и перчатках, сообщающие друг другу, что в окружающей среде присутствует невидимая опасность. Этот образ, тем не менее, уже прежде присутствовал в имагологии эпидемий. Но это дало возможность ещё до завершения споров об утилитарной ценности на основе укрепления слабой связи с конкретными коннотациями смысла определить необходимость применения практики. Это справедливо для маски, в отличие от таких новаций для России, как напольные разметки социальной дистанции, коды в приложениях, регламентирующие доступ к городским локациям, массовое применение пиromетров и зонирование территорий для прогулок. Количество не-человеческих симбиозов этих объектов оказалось на практике большим, что приводило в том числе и к курьезным незапланированным следствиям. Так, в жаркий день пиromетр не пропускал вас в здание, ведь он взаимодействует не только с

той частью температуры, которая причастна болезни, но и со многими другими ее аспектами. А зонирование территорий и ограничения прогулок привели к новым практикам взаимодействия с собаками: их брали в аренду, чтобы только выйти из дома. Разметки вступали в конфликт друг с другом, материалом, освещением и логикой трафика толпы, а QR-коды — с эпистемологической и технической несправедливостями. Всё это в очередной раз показывает нам, как мало мы на самом деле знаем о связях между окружающими нас вещами.

Заключение

Делает ли коммуникация мир общим или лишь определенным способом однобоко раскрывает одни вовлеченные жизненные миры другим? Проведенное исследование даёт возможность продемонстрировать, какими способами в процессе коммуникационного взаимодействия сами объекты коммуникации переходят из фонового подручного бытия в репрессивное для взаимопонимания наличного существования. Тем не менее подобное базовое понимание процесса коммуникации даёт возможность построения гармоничной связи элементов практически любой структуры.

Однако существует проблема объектной индивидуации в рамках плоской онтологии, о которой, в частности, утверждает один из четырех основателей спекулятивного реализма (откуда и проистекает ООО) Рэй Брассье [17, с. 54–55]. В статье «Выравнивание: против “плоских онтологий”» он указывает, что, устранив примат конституирующего сознания, становится практически невозможно указать на границы объектов, равно как и провести различие между чувственными и реальными качествами [6]. Мост для человека и муравья вовсе не обязательно в равной мере является единым объектом.

Это действительно сложная фундаментальная проблема, но, вероятно, ее можно разрешить через радикальный онтологический релятивизм, сохраняющий в рамках единой плоскости множество центрированных на определенных представителях вселенной автономных миров, никогда не данных нам полностью, но намеками и недомолвками в то же время отчасти и карикатурно скоррелированных друг с другом, что иногда позволяет приоткрыть завесу великой онтологической тайны: каков мир перед не-моими глазами.

Литература

1. Chalmers D.J. What is conceptual engineering and what should it be? *Inquiry*, 2020, no. 63, pp. 1–18. DOI: 10.1080/0020174X.2020.1817141
2. Craig R. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. Blackwell Publishing Ltd.; International Communication Association, May 1999, v. 9, pp. 119–161. DOI: 10.1111/j.1468-2885.1999.tb00355.x URL: <https://academic.oup.com/ct/article-abs tract/9/2/119/4201776?redirectedFrom=fulltext>
3. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*, 1973, no. 78 (6), pp. 1360–1380.
4. Богост И. Чужая феноменология, или каково быть вещью? [Текст] / И. Богост. — Пермь: Гиле Пресс, 2019. — 200 с.

5. Брайант Л.Р. Демократия объектов [Текст] / Л.Р. Брайант. — Пермь: Гиле Пресс, 2019. — 320 с.
6. Брассье Р. Выравнивание: против «плоских онтологий» [Электронный ресурс] // Перевод З. Неустроева / Insolarance Cult, 2024. 14 янв. — URL: <https://insolarance.com/deleveling> (дата обращения: 30.10.2024).
7. Гайко Г.Г. К вопросу о взаимоотношении объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана [Текст] / Г.Г. Гайко, А.А. Бойко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2020. — Вып. 1. — С. 5–13. — DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-5-13
8. Демин И.В. Соотношение подручного и наличного в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера [Текст] / И.В. Демин // Вестник СамГУ. — 2012. — № 2-1. — С. 5–11.
9. Кралечкин Д. О сургуче и капусте [Текст] / Д. Кралечкин // Логос. — 2014. — № 4. — С. 293–318.
10. Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира [Текст] / Т. Мортон. — Пермь: Гиле Пресс, 2019. — 284 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. — М.: Ад Маргинем Пресс, 1997. — 451 с.
12. Харман Г. Weird Realism: Лавкрафт и философия [Текст] / Г. Харман. — Пермь: Гиле Пресс, 2020. — 258 с.
13. Харман Г. Имматериализм: объекты и социальная теория [Текст] / Г. Харман. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 152 с.
14. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» [Текст] / Г. Харман. — 2-е изд. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. — 256 с.
15. Харман Г. О замещающей причинности [Текст] / Г. Харман // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 2. — С. 75 — 90.
16. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда [Текст] / Г. Харман // Логос. — 2017. — Т. 27. — № 3. — С. 1–34.
17. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение [Текст] / Г. Харман. — М.: РИПОЛ классик, 2020. — 290 с.
18. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера [Текст] / Г. Харман. — Пермь: Гиле Пресс, 2015. — 152 с.
2. Brassier R. Deleveling: Against «Flat Ontologies». Under Influence — Philosophical Festival Drift. Omnia, 2015. pp. 64–80.
3. Bryant L.R. The Democracy of Objects. Open Humanities Press, 2011. 314 p.
4. Chalmers D.J. What is conceptual engineering and what should it be? Inquiry, 2020, no. 63, pp. 1–18. DOI: 10.1080/0020174X.2020.1817141
5. Craig, R. Communication Theory as a Field // Communication Theory. — Blackwell Publishing Ltd.; International Communication Association, May 1999, v. 9, pp. 119–161. DOI: 10.1111/j.1468-2885.1999.tb00355.x URL: <https://academic.oup.com/ct/article-abstract/9/2/119/4201776?redirectedFrom=fulltext>
6. Demin I.V. The problem of relation between the assistant and the real in the fundamental ontology of M. Heidegger. Vestnik SamGU [Bulletin of Samara University], 2012, no. 2-1, pp. 5–11. (in Russian)
7. Gaiko G.G., Boyko A.A. On relations of objects in Graham Harman's object-oriented ontology. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologija. Sociologija [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 5–13 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-5-13
8. Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties. The American Journal of Sociology, 1973, no. 78 (6), pp. 1360–1380.
9. Heidegger M. Being and Time. Translated by Joan Stambaugh, revised by Dennis J. Schmidt. Albany, New York: SUNY Press, 2010. 512 p.
10. Harman G. Against Paraphrase Weird Realism: Lovecraft and Philosophy. Washington: Zero Books, 2012, 268 pp.
11. Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Open Court Publishing, 2005. 280 pp.
12. Harman G. Immaterialism: Objects and Social Theory. Cambridge: Polity, 2016. 140 p.
13. Harman G. Networks and Assemblages: the Rebirth of Things in Latour and DeLanda. Logos [Philosophical Literary Journal Logos], 2017, no. 3. pp. 1–32. (in Russian)
14. Harman G. Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. London: Pelican Books, 2018. 336 p.
15. Harman G. The Quadruple Object. Zero Books, 2011. 157 p.
16. Harman G. Speculative Realism: An Introduction. Medford, MA: Polity, 2018. 190 p.
17. Kralechkin D. Of sealing wax and cabbages. Logos [Philosophical Literary Journal Logos], 2014, no. 4, pp. 293–318. (in Russian)
18. Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 240 p.

References

1. Bogost I. Alien Phenomenology, Or what it's like to be a thing. Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 2012. 168 p.